
МЕТАФИЗИКА В ИСТОРИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ

АНАЛИТИЧЕСКОЕ ВВЕДЕНИЕ В ФИЛОСОФИЮ ДИАЛОГА

Илья Дворкин

Еврейский университет в Иерусалиме

На протяжении всего XX в. философия диалога понималась как интегральная часть континентальной философии, которая разворачивается исключительно в гуманитарной области. Между тем истоки философии диалога прямо связаны с проблемами физико-математического естествознания. В силу исторических причин эта ее связь с фундаментальными теоретическими науками была утрачена. Данная статья пытается частично компенсировать это упущение¹.

Ключевые слова: философия диалога, научная парадигма, 1-е лицо, 2-е лицо, 3-е лицо, корреляция, реляционно-функциональный подход, диалогический подход, теория категорий и функторов, диалогическая математика, виртуальное множество, актуализация.

Может ли новая философия отвечать на современные вопросы человечества

Когда в XVII–XVIII вв. философия поднялась на самую вершину европейской системы ценностей, многие ожидали от нее не только ответов на основные вопросы того времени, но центрального места в культуре. Как и в древние времена, философия стала претендовать на роль науки наук и искусства искусств.

¹ По гуманитарным и философским аспектам философии диалога имеется богатая научная литература на многих языках. Общее изложение философии диалога и подробные библиографические ссылки содержатся в работах автора статьи. См.: Дворкин И.С. На пути к философии диалога // Толерантність та діалог в сучасному світі // Зб. наук. праць. Філософські діалогні'2013. – Киев, 2013. – С. 112–171; Дворкин И.С. Ты и Оно. По следам Бубера и Фрейда // Вопросы философии, 2002. – № 4; Дворкин И.С. Сущий и существующий. Преодоление метафизики у Когена, Хайдеггера и Левинаса // Judaica petropolitana. academic journal. Академический журнал. – СПб, 2013. – С. 155–173 и др.

Однако уже в середине XIX века философия оказалась где-то на периферии. К ее претензиям мало кто относился всерьез. Дело дошло до того, что стали предлагать передать философские исследования психологии и физиологии. XX век еще более поколебал место философии в мире. Ведь именно из ее недр вышли самые ужасные и разрушительные учения, давшие обоснования массовым преследованиям и бедствиям.

Было бы, конечно, преувеличением считать философию, например философию Гегеля или Ницше, причиной войн, революций и геноцидов. Скорее, философия отражала общее состояние умов, которое привело к войнам. И все-таки претензия философии отвечать на фундаментальные вопросы человечества вызывает у наших современников естественное недоверие.

Приступая к данной работе, мы обязаны взять на себя значительно более скромную задачу, чем та, на которую нередко претендуют философы. Для нас философия не является ни священнодействием, ни современным пророчеством. У нее есть своя особая задача, которая состоит по преимуществу в прояснении нашего мышления о мире и о самих себе. Разумеется, такой подход не обозначает отказа от философии. По самому своему предмету она не может превратиться во второстепенную маргинальную область. Мы не хотим писать на полях других авторов или заниматься техническими приложениями философии к другим наукам. Самое худшее, чем может заниматься философия, – это бесконечно переливать из пустого в порожнее философские достижения предшествующих эпох, приравнивая друг к другу противоборствующие системы, сглаживая противоречия и выстраивая некую линию развития философской мысли. Архив учений и идей прошлого может стать смертью для современного мышления. Однако еще большая опасность таится в вырождении философии, в превращении ее в интеллектуальную беллетристику, в игру остроумия без напряженного поиска смысла.

Что же нам остается? В чем состоит особая задача философии по отношению к человеку и к человечеству в целом? Если окинуть взглядом нашу культуру в том виде, как она развивалась на протяжении столетий и каковой она является в настоящее время, то мы увидим везде следы систематического философского мышления. Проявления философии не всегда очевидны, но при внимательном исследовании мы их можем разглядеть. Хотим мы того или нет, но интеллектуальная жизнь человечества пронизана систематическим, осознающим себя мышлением. Оно явно присутствует в науке и в искусстве, в религии и в политике. В контексте так построенной культуры мы обречены заниматься философией. Но это занятие должно быть честным и скромным исследованием самих путей нашего мышления и жизни, нашего отношения к миру и друг к другу.

Да, философия способна отвечать на вопросы человечества! Но вначале мы должны научиться эти вопросы задавать! В этом философия диалога видит одно из своих предназначений – перейти от говорения о мире как о чем-то завершенном и однозначном к взаимодействию с миром и говорению с

собеседниками. Эти собеседники – и противоборствующие современные воззрения на реальность, и конкретные научные и технологические доктрины, и философские системы прошлого.

В данном контексте обращение к истории философии, особенно когда ты знаешь, что ты от нее можешь ожидать, дело по-настоящему необходимое!

Первое определение философии диалога

Сформулируем здесь первое рабочее определение философии диалога. Наша задача на данном этапе состоит не в построении всеобъемлющей теории, а в определении предмета нашего дальнейшего исследования. По ходу этого исследования мы будем неоднократно возвращаться к попыткам дать более полное и более точное определение философии диалога.

Диалогический подход рассматривает мир как предмет процесса межличностных отношений.

Уже в этом определении просматривается связь философии диалога с античным и новоевропейским подходами к реальности. Видно тут и их противостояние. Для диалогизма мир – это не нечто само по себе существующее, а предмет, в котором личностная позиция субъекта всегда проявляется. Одновременно диалогизм воспринимает мир не как объект, который нужно описать или построить, а как предмет, реализующийся в некоем процессе взаимоотношений лиц.

Из сказанного ясно, что прежде чем переходить непосредственно к исследованию диалога, необходимо рассмотреть древнегреческий и новоевропейский подходы к миру как своего рода предшествующие диалогическому.

Сравнение античной и новоевропейской «картины мира»

То, что на мир можно смотреть по-разному, – это понятно из истории культуры. Восприятие мира древними китайцами, египтянами или индейцами Южной Америки существенно отличается. Философия диалога видит в этом не просто различие разных стадий развития культуры, а следствие принципиальной значимости нас самих в нашей картине мира. После Т. Куна стало общепринято, что исторический процесс познания реализуется не как эволюционное накопление знаний о мире, а как смена научных парадигм самих способов познания [1].

Со времен Древней Греции в системе мировоззрения западных культур одной из важнейших задач философии считается исследование и формирование способа восприятия реальности. В данном контексте было бы полезно проанализировать античную и новоевропейскую философию как два способа рефлексии мира. Сравнение этих систем весьма поучительно для создания философии диалога. В то же время сама философия диалога помогает осуществлять такое сравнение.

Говоря об античном восприятии мира, мы ограничиваемся одной, правда, чрезвычайно важной моделью. Речь идет об онтологическом подходе Аристотеля, который видит мир как совокупность сущностей (модель **A**). Этот подход господствовал в науке на протяжении тысячелетий. Справедливости ради, нужно отметить, что даже в античную эпоху данная парадигма не была единственной. Мы могли бы говорить о парадигмах **A1**, **A2**, **A3**, но наша цель сейчас состоит не в скрупулёзном анализе истории мышления, а в определении основополагающих современных интеллектуальных проблем. По этой причине мы ограничимся рассмотрением парадигмы **A** в целом.

В средние века аристотелевская картина мира подверглась очень серьезным коррективам, без которых история науки совершенно непонятна. Парадигма, характерная для средневековья (модель **B**), наряду с сущностно-онтологическим описанием реальности, содержит личностный характер отношений. Тем не менее в некоторых своих аспектах аристотелев взгляд на мир сохраняет свою силу до сих пор.

Новоевропейский подход к миру (модель **C**) существенно отличается как от античного, так и от средневекового. Это не удивительно. Понятно, что ни воздействие Библии, ни социальная трансформация, ни развитие техники не могли пройти даром.

Когда мы говорим тут о новоевропейском подходе к миру, как и в случае с античным, мы делаем очевидное и, казалось бы, непозволительное обобщение. В Европе XVII–XIX веков между собой спорили и взаимодействовали множество разных картин мира и подходов к реальности. Однако для нас в данном исследовании важно не сопоставление этих разных типов мировоззрений, а понимание фундаментального принципа, который формирует то, что можно назвать новоевропейской наукой.

Итак, для разных моделей реальности, господствующих на протяжении последних столетий, характерно понимание мира как предмета опыта и рациональной рефлексии. Мир новоевропейской науки – это мир объектов, которые в отличие от существующих самих по себе вещей античности, не определяются иначе как результат восприятия субъектом. Субъект-объектные отношения – главная тема философии Нового времени. Любой предмет изучения понимается как результат этих отношений. Очень важно понять, что субъект-объектные отношения, в отличие от качественного статического мира Аристотеля, – это всегда процессы, всегда динамика. Физика изучает не сами по себе тела, а их состояния по отношению к разным системам измерений, математика – не идеальные предметы, а функции и отношения, психология – не устройство души, а процессы, в которых она участвует.

Наряду с отличием новоевропейской парадигмы **C** от античной **A** мы должны отметить ее отличие и от средневековой **B**. Дело в том, что субъект и субъективность Нового времени радикально отличаются от персонализма средневековья. Философия Нового времени занята исследованием не самого по себе субъекта или объекта, а именно их отношений. Поиск личностных

свойств субъективности ведет к философии диалога, но для модели С довольно маргинален.

В нашем сравнении античного, средневекового и новоевропейского подходов к миру нам чрезвычайно помогает то, что все три обозначенные культуры сами проделали немало усилий, чтобы сформулировать свои принципы. Эта внутренняя рефлексия позволяет построить диалог с этими культурами, не навязывая им нашего понимания их. Мы пытаемся увидеть их и своими, и их собственными глазами. В этом одно из важных свойств диалогического подхода к реальности.

Таким образом, философия диалога (модель D) выступает для нас одновременно источником и методологическим средством в познании, и целью, к которой наше познание устремлено.

Мир как совокупность сущностей. Античный подход к реальности (модель А)

Исследование мира самого по себе, как он есть, является одной из главных задач греческой философии. Попытка выделить предметы, считать их автономными, рассматривать их только изнутри, сами по себе, уже в глубокой древности привела к парадоксальным результатам. Тем не менее исследование предметов в их отдельном существовании является продуктивным, и вся древняя и средневековая мысль это доказывает.

Попробуем пройти по линиям автономного изучения предметов, посмотрим, что у нас получается, а где возникают трудности. Такая попытка являлась одной из первых и фундаментальных задач древнегреческой философии. По этому поводу у таких философов, как Парменид, Платон, Аристотель, имелись совершенно разные представления. Однако то, что их объединяет, – это сама попытка найти сами по себе существующие предметы.

Данный подход, несмотря на известные трудности, помог построить эффективные работающие философские теории. Так, Парменид, первый кто заговорил о сущем как таковом, обнаружил, что сама теоретическая конструкция сущего уже ведет к определенным выводам по поводу его свойств. Ведь «сущее как таковое» предполагает некоторую логическую определенность. Это «как таковое» обозначает, что мы берем сущее вместе с его определением, то есть логосом, который его описывает. Отсюда разработанный уже Парменидом метод получил название онтологического (то есть основанного на отождествлении сущего (онтоса) и его понятия (логоса)). Решением уравнения $x=x$ является все, что угодно, но только одно, так как внутри x невозможно различие, а следовательно, изменение. Таким образом, пространство, время, количество, качество и т.д. невозможны в радикально онтологическом мире Парменида.

Метод рассмотрения предмета как такового воспринимает Платон. Он научается брать предметы в скобки, анализировать их исходя из них самих. Однако трудность Парменида сохраняется и у Платона. Его мир дуалисти-

чен. Наряду с идеальными совершенными логическими и математическими формами у него оказывается наш материальный мир, в котором полностью вычленив предмет невозможно.

Аристотель обращает метод Парменида и Платона для исследования частных вещей, но к ним применяется та же методология взятия в скобки, поиск равенства самим себе. Аристотель выделяет в мире предметы, которые можно рассматривать как своего рода сущее Парменида в миниатюре. Выделение таких первичных предметов (первых сущностей) Аристотелем является одним из ключей к научному естествознанию.

Одним из центральных понятий философии Аристотеля является понятие сущности (οὐσία). Поясним, что понимает Аристотель под первой сущностью. В «Категориях» ей дается следующее определение (2a11): «Сущность, называемая так в самом основном, первичном и безусловном смысле, – это та, которая не говорится ни в каком подлежащем и не находится ни в каком подлежащем». Таким образом, сущность – это такой предмет, который рассматривается не как часть какого-либо другого предмета, а рассматривается сам по себе. Одновременно это такое описание (логос), которое не описывает никакой предмет, кроме данного. Иными словами, первая сущность, по Аристотелю, это одновременно и простой предмет и простое понятие. Вокруг таких предметов-понятий выстраивается всякое другое описание.

Например, то, что бык есть животное, бык выполняет определенные функции в человеческой жизни, бык обладает силой, мощью, выносливостью и пр. – все это характеристики быка. Но конечным предметом исследования и описания, согласно Аристотелю, является существующий сам по себе как реальность этот бык. Коричневый цвет в быке или поголовье крупного рогатого скота мы в нашем исследовании привязываем к основному предмету, то есть к конкретному быку.

Такой подход приводит к тому, что физика (исследование мира) и логика (нормирование способов говорения о мире) оказываются тесно связанными друг с другом и поддерживающими друг друга. Конкретные существующие предметы предполагают соответствующий им способ говорения об этих предметах, то есть каждой индивидуальной вещи соответствует особый логос. Аристотель называет это формой, или, как он говорит, «сутью бытия вещи» (Метафизика, 1032b1, 1035b32 и др.).

Вышеописанный подход приводит к тому, что весь мир распадается на некоторую совокупность вещей-индивидов и отличается набором характеристик (логосов), которые описывают сущность этих индивидов, их менее существенные качества и отношения между ними. Логику описания таких предметов логосов подробно рассмотрел Порфирий в своем «Введении к Категориям Аристотеля».

Первая сущность, первичный предмет выделяется из прочей реальности посредством набора различительных признаков, которые составляют его логос. Атомарные предметы имеют свое определение и свое описание. Это делает наш мир определенным и многообразным.

Реальность, в рамках данного подхода, описывается следующей формулой:

$$F=f(x_1, f_{11}, f_{12}, f_{13}, f_{14}, f_{15}, \dots), f_2(x_2, f_{21}, f_{22}, f_{23}, f_{24}, f_{25}, \dots), \\ f_3(x_3, f_{31}, f_{32}, f_{33}, f_{34}, f_{35}, \dots) \dots$$

То есть мир – это совокупность предметов, описываемый их формальными характеристиками.

Здесь, $x_1, x_2, x_3, x_4, x_5, x_6$ – совокупность предметов, $f_{11}, f_{12}, f_{13}, f_{14}, f_{15}, \dots, f_{21}, f_{22}, f_{23}, f_{24}, f_{25}, \dots, f_{31}, f_{32}, f_{33}, f_{34}, f_{35}, \dots$ – совокупность образов, форм или признаков этих предметов.

Несмотря на всю кажущуюся простоту, данный подход, особенно в некоторых науках, оказывается чрезвычайно эффективным.

Пример области, в которой этот метод даже еще и в наше время является основным, это биология. В качестве своего предмета биология рассматривает совокупность живых существ (индивидов), характеризующихся некоторыми формами. В соответствии с ними эти существа классифицируются. Живые существа образуют группы и популяции, биология описывает синхронические и диахронические взаимодействия между ними. Исследования нередко приводят к новым и интересным постановкам вопросов, но сам метод в своей основе остается старым.

Подобный подход сохраняется и является достаточно эффективным во многих современных науках, хотя можно предположить, что перевод их на диалогическую методологию мог бы стимулировать в них новые фундаментальные идеи.

Область, в которой уже в древности предметно-описательный подход столкнулся с трудностями, – это физика. Уже Зенон показал ограниченность онтологии во всем, что касается описания движения тел. Сами по себе предметы не движутся. Движение – не характеристика предметов, а их отношений. Выпущенная из лука стрела по отношению к самой себе не летит, а сам по себе Ахиллес не догонит черепаху. Данный урок на века остался в центре размышления философов и физиков, потому что он продемонстрировал неприменимость онтологии к отдельным предметам. Элеаты считали, что онтология работает только по отношению к миру в целом.

Все-таки Аристотелю удалось на основе его метода построить фундаментальную теретическую физику, которая занимается исследованием не реальных существующих предметов, каковыми у Аристотеля является конкретный бык или конкретный человек, а абстрактных как бы существующих тел. Характеристики этих тел вытекают из их природы.

Аристотелева физика, как известно, носит качественный характер. Процессы и движения в ней сводятся к условиям и воздействиям, которым подлжит предмет. Состояния тела она описывает исходя из его отношений с другими телами.

Еще более качественный характер носят перипатетические теории гуманитарного знания. Разработанная Аристотелем теория знаков в сочетании

с его грамматическими идеями до сих пор доминирует в лингвистике. Хотя эти концепции, как правило, подвергнуты очень существенной переработке, но их предметно-качественный характер сохраняется.

Качественный характер имеет и аристотелева теория практических наук. Поскольку эти науки волей-неволей имеют дело с человеческой деятельностью, они уже изначально обречены на вторичность. Ведь практические науки занимаются не естественно существующими вещами, а предметами, создающимися в процессе человеческой деятельности. То, что не существует само по себе, согласно Аристотелю, не может обладать совершенством.

Предметно-качественный подход к миру, который характерен для античной онтологической философии, порождает огромное количество следствий. Хотя этот подход накладывает на познание очень существенные ограничения, его достоинства делают его актуальным во многих областях и на сегодняшний день.

Зародыш диалогизма в философии средних веков (модель В)

Было бы упущением сразу перепрыгнуть с античной парадигмы А к модели С Нового времени. Наука Нового времени была бы невысказанной без опыта освоения философией интеллектуального наследия Библии. Библия воспринимает мир как непрекращающийся диалог между Богом и человеком. В Библии и Бог, и человек занимают личностную позицию, они обращаются друг к другу и говорят о себе в первом лице. Бог в Библии обращается к человеку с вопросом «где Ты», вопросом, предполагающим первостепенную значимость личности.

Восприятие Библии античной цивилизацией приводит к отождествлению личности Божественной и человеческой с первосущим, с бытием парадигмы А. Перевод Септуагинтой знаменитого ответа Бога Моисею «Я буду с тобой», «Я буду как буду» словами «Я есть Сущий» (Исх., 3, 14) приводит к отождествлению личного Бога Библии с первосущим аристотелевой философии. Это приводит к двум последствиям. С одной стороны, Бога начинают воспринимать как абстрактную первопричину, но с другой – в онтологические сущности привносится личный элемент.

Одним из предвосхищений философии диалога является средневековая перипатетическая теория интеллекта. Для Бога, обладающего абсолютным бытием, Его интеллект является активным – знающий, знаемый и знание в нем совпадают. Для человека, интеллект которого имеет характер приобретённого, познающий, знание и предмет познания различаются. Это приводит к трансформации самого человеческого мышления, которое обретает социальный характер. Вопрос о том, каким образом интеллект реализуется не только сам по себе, но и в человеческом коллективе, оказывается одной из важнейших философских проблем средневековья. Это, несомненно, важный

шаг от аристотелевой герменевтики к диалогической, но это еще не философия диалога.

Мир как объективность. Новоевропейский подход к реальности (модель С)

Открытие мира как объективности является важнейшим завоеванием Нового времени. Мы имеем в виду не только новоевропейскую науку от Галилея и Декарта до Лейбница и Канта, но и всю культуру этой эпохи. Мир теперь воспринимается не как реальность сама по себе, не совокупность элементов и субстанций, а как предмет воздействия, исследования, эксперимента. Место субстанций занимают функции и отношения. Восприятие реальности становится пронизанным взаимодействием субъекта и объекта, а не отвлеченной данностью [2]. В наиболее совершенном виде парадигма С была сформулирована в учении Э. Канта о трансцендентальной форме. Однако очень важно понять, что она распространяется отнюдь не только в сфере теории познания, но и отражает саму новую практику отношения к предметам в Европе XVII–XIX вв.

Подход С радикально отличается от подхода А тем, что в нем не вещи, а отношения являются непосредственными предметами познания. Уже сама связь предмета познания как объекта с познающим его субъектом является отношением. Другой важной особенностью этого подхода является его динамизм. Теперь наука занимается познанием не вещей, а процессов. Особенно хорошо это видно в самой продвинутой науке Нового времени, в физике. Ньютонова физика унаследовала от Аристотеля закон действия и противодействия, но покой она рассматривает не более как состояние. Уже со времен Галилея физика занимается исследованием не самих по себе тел, а процессов, отношений и взаимодействий, имеющих место между этими телами. Наблюдатель в рамках этого подхода является не второстепенной фигурой, а неотделимым от предмета его методологическим основанием.

В этом же направлении развивалась и математика Нового времени. Древнегреческие философы и математики были уверены в реальном существовании чисел, фигур и прочих предметов математического знания. Математики Нового времени, не отказывая своим объектам в реальности, тем не менее, понимают их как математические конструкции.

Важнейшими фигурами в формировании математического мышления Нового времени являются Декарт и Лейбниц. Их математические идеи очень красиво соотносятся с их же философскими построениями. Введение интеллектуального центра перспективы *Egocogito* превращает вещи мира в объекты мышления. Введение координатной сетки превращает геометрические фигуры в аналитические формулы. Переход от элементов к функциям и отношениям знаменует настоящую революцию в математике. Лейбницевская идея универсальной характеристики перевела математику от исследования свойств универсальных математических объектов к изучению отношений.

Понятие функции, которое у Лейбница тесно связано с его философией, становится важнейшим понятием современной математики.

На уровне формальной записи трансформацию от индивидуального к реляционному подходу можно записать в виде следующей формулы:

$$F=f(XY) = f(x_1y_1, x_2y_2, x_3y_3, x_4y_4, x_5y_5...)$$

Здесь X и Y выступают в качестве соотносящихся между собой фундаментальных параметров любого типа. Понятно, что поскольку сама функция рассматривает соотношенное друг с другом изменение значений, то характер изменения самой функции тоже является функцией. Таким образом, дифференциальное исчисление является естественным результатом перехода от модели **A** к модели **C**, независимо от того, будем ли мы исследовать физические процессы или заниматься чистой математикой.

Если мы рассмотрим функциональные отношения X и Y как субъект-объектные, то мы получим более общее описание модели **C**. Обозначим субъект описания (наблюдателя, систему отсчета и пр.) как I (по английскому обозначению слова I – Я), а объект как H (по английскому обозначению слова He–Он). Тогда наша формула примет вид:

$$F=f(IH) = f(i_1h_1, i_2h_2, i_3h_3, i_4h_4, i_5h_5...)$$

В том случае, когда объект может быть полностью описан субъектом или их совокупностью, данная формула приобретает следующий вид:

$$I(i_1, i_2, i_3, i_4, i_5....) = H(h_1, h_2, h_3, h_4, h_5...)$$

То есть для любого точного описания состояние субъекта соответствует состоянию объекта. Понятно, что в этом случае информационная нагрузка из субъект-объектных отношений полностью переносится на внутриобъектные. Однако здесь у нас возникает два вопроса:

Во-первых, всегда ли возможен такой переход, то есть всегда ли межсубъектные отношения сводятся к межобъектным? Понятно, что это не так, ведь в этом случае само разделение на субъект и объект теряет смысл, и мы возвращаемся к модели **A**.

Во-вторых, не может ли быть так, что взаимоотношения между субъектами и являются источниками познания объекта? Опять-таки, очевидно, что это действительно так. Ведь я только через взаимодействие с другим могу удостовериться, что предмет H имеет свое собственное существование и не является просто состоянием меня самого.

Таким образом, мы приходим к необходимости модели **D**, которая будет рассматривать мир как реализацию взаимодействия субъекта с собеседником или адресатом речи.

Понятно, что новая, диалогическая картина мира будет являться непосредственным продолжением как античной, так и новоевропейской. Античная модель мира **A** привнесла понимание того, что наука состоит в установлении отношений между предметом и способом его описания, то есть между онтосом и логосом. Взгляд на мир, сформировавшийся в Новое время (модель **C**), позволяет внести внутриобъектные и субъект-объектные отношения в описание мира, а также рассматривать мир процессуально и динамически. Диалогическая модель (**D**) делает следующий шаг, она рассматривает реальность как целостный процесс не только субъект-объектных, но и межличностных отношений.

Мир как предмет диалога (модель D)

Диалогизм является прямым продолжением как древнего и средневекового, так и более современного подхода к науке. Философия диалога появилась в конце XIX и начале XX века в Германии. Пытаясь вывести из тупика кантовскую философию, Герман Коген разработал новую теорию познания, которая рассматривала бытие не как нечто существующее, а как процесс.

К середине XIX века стало ясно, что кантовская и послекантовская философия находится в глубоком тупике, ведь вся попытка рационального обоснования возможного опыта не раскрыла реального опыта и таким образом оказалась контрпродуктивной. Вместо того чтобы сформулировать новую методологию опытного математического естествознания, философия ушла и от опыта и от математики. Открытие Когеном процессуальности знания позволяет опыт и мышление рассматривать с одних и тех же позиций. Новые идеи были сформулированы Когеном в самом начале XX века. Это было время великой научной революции, развитие философии и естествознание шло параллельными путями, и новая диалогическая философия была сформулирована самим Когеном, а также Розенцвейгом, Бубером, Эбнером, Бахтиным и др., в первую очередь в сфере социальных и гуманитарных наук.

Между тем философия диалога приводит нас к совершенно новой постановке задачи познания. Если в классической философии модели **C** мы рассматриваем природу знания о мире и как следствие самого мира, то в рамках философии диалога и мир и знание о нем является составляющей процесса межличностного взаимодействия человека и мира. Реальность понимается в этом подходе как актуальность, то есть результат действия сил и процессов. Любой предмет осуществляется только в контексте конкретного диалогического процесса. Предметом исследования является совокупность межличностных преобразований и процессов.

Как нам представляется, диалогизм позволяет преодолеть дуализм физического и математического подходов к реальности, который сформировался в процессе противостояний перипатетической и платонически-пифагорейской научных парадигм. Структура познаваемой реальности и

форма знания соотносятся друг с другом в межличностном познавательном процессе. Реальность диалогизма – это трансформирующийся в процессе межличностных отношений формализм. Но это не формализм абстрагированно замкнутый, а формализм, открытый предметности. В зависимости от ракурса отношений мы можем говорить о предметах, объектах, формах, процессах. Во всех случаях в итоге мы имеем цикл преобразований формализма, который возвращается к своей исходной позиции.

Модель **D** предполагает, что процесс взаимоотношения лиц в диалоге может привести к стабилизации и определенности этих лиц. В этом случае неопределенность элементов и отношений моделей **A** и **C** сменяется процессуальной определенностью модели **D**.

Реальность как межличностный волновой процесс

Рассмотрим диалогические процессы в наиболее общем виде. Если субъект-объектные отношения описываются как функция

$$I=ih(i1h1, i2h2, i3h3, i4h4, i5h5...),$$

то диалог привносит трансформацию IT как восприятие мира в контексте собственного взгляда I и взгляда собеседника-адресата T .

Существует отношение IT такое, что для предмета H выполняется отношение

$$ih(i1h1, i2h2, i3h3, i4h4, i5h5...) = th(t1h1, t2h2, t3h3, t4h4, t5h5...)$$

Смысл этой формулы состоит в том, что между I и T имеется корреляция в их отношении к H . Это можно понимать как своего рода волну, в процессе которой субъект-объектное отношение передается от одного лица к другому.

Таким образом, мир в рамках диалогического подхода понимается как волна субъект-объектности, которая распространяется между собеседниками и предметами. Получается, что дискретная определенность предметов достигается устойчивостью волновых процессов.

При переходе от индивидуально-сущностной модели (**A**) и реляционной функциональной модели (**C**) к диалогической модели (**D**) происходят качественные изменения в отношениях между наблюдателями и предметами. В модели **A** предмет обретает какую-либо определенность благодаря своим свойствам или, говоря языком Аристотеля, благодаря форме. В модели **C** определенностью обладают не сами по себе объекты или их образы, а отношения между объектами и их представлениями, то есть тоже форма в новом кантианском смысле этого слова. Однако форма выражает только связь между объектом и представлением, само соотношение

$$I=ih (i1h1, i2h2, i3h3, i4h4, i5h5...)$$

сохраняет неопределенность, ведь уравнение с двумя неизвестными I и H не имеет решений. По этой причине субъект-объектный подход предполагает постоянное колебание между идеализмом и материализмом, субъективностью и объективностью и т.д.

В случае, когда между двумя субъект-объектными позициями возникает корреляция, ситуация качественно меняется. Между тремя элементами I , T и H имеется три соотношения:

$$\begin{aligned} I=ih (i1h1, i2h2, i3h3, i4h4, i5h5...) \\ T=th (t1h1, t2h2, t3h3, t4h4, t5h5...) \\ ih (i1h1, i2h2, i3h3, i4h4, i5h5...) = IT \otimes th (t1h1, t2h2, t3h3, t4h4, t5h5...) \end{aligned}$$

Таким образом, позиции, будучи абсолютно независимыми и неопределенными сами по себе, в процессе взаимодействия в рамках диалогической модели **D** могут обрести определенность.

Формализация модели **D**

Будем считать, что имеется неопределенный виртуальный предмет X . Любые его возможные элементы $x1, x2, x3...$ не могут быть соотнесены друг с другом, так как у X нет никаких внутренних отношений. Более того, вопрос о принадлежности $x1, x2, x3$ к X тоже требует специальной процедуры, то есть мы заранее не знаем, какие элементы принадлежат X , а какие нет.

Теперь представим себе, что X может принимать позиции i, t, h , то есть Xi, Xt, Xh .

Эти позиции могут находиться в корреляции друг с другом:

$$\begin{aligned} Xi=xixh (xi1xh1, xi2xh2, xi3xh3...) \\ Xt=xtxh (xt1xh1, xt2xh2, xt3xh3...) \\ xixh (xi1xh1, xi2xh2, xi3xh3...) = IT \otimes xtxh (xt1xh1, xt2xh2, xt3xh3...) \end{aligned}$$

Таким образом, изначально неопределенный предмет X , оказавшись частью диалогического процесса, может превратиться в композицию определенных актуальных элементов $X = \{xi, xt, xh\}$. Назовем условия, при которых элементы xi, xt, xh из виртуальных становятся актуальными условиями актуализации.

Немного поясним используемые термины. Неопределенными или виртуальными предметами и элементами мы называем те изначально неопределенные предметы и элементы, которые в результате диалогического процесса обретают какую-то определенность и становятся реальными элементами описания. Позициями мы называем находящиеся в корреляции и в динамическом процессе абстрактные возможности, которые могут реализовать вир-

туальные элементы. В случае диалога мы имеем три возможные позиции, то есть лица I , T , H . Занимая эти позиции и попадая в коррелятивные отношения, элементы приобретают в той или иной степени определенные значения. Актуализация, таким образом, состоит в определении значений в результате взаимодействия элементов.

Диалогическая математика и теория множеств

Описанный выше способ представления реальности является значительно более общим, чем господствующая в современном мышлении теоретико-множественная идеология. Это совершенно естественно, так как теория множеств является наиболее продвинутой версией реляционного формализма, то есть парадигмы C . В теории множеств мы постулируем принадлежность элементов x_1, x_2, x_3, \dots множеству X . В рамках диалогического подхода эта принадлежность должна быть установлена в результате диалогического процесса.

Чтобы $x_1, x_2, x_3 \in X$ нужно, чтобы выполнялись условия актуализации.

Назовем предметы описанного выше типа с неопределенной принадлежностью и неопределенными отношениями элементов виртуальными множествами. Понятно, что виртуальное множество, вообще говоря, не является множеством, но может стать им в результате диалогического процесса. Тем не менее с виртуальными множествами можно осуществлять диалогические операции, в том числе сравнение, актуализацию и пр.

Представим себе, что у нас есть виртуальное множество X . Понятно, что пока мы не можем ничего сказать о его содержании. Этот X представляет собой черный ящик. Предположим, что мы обнаруживаем принадлежность к X элемента x_1 . Чтобы производить дальнейшие операции с X и x_1 нам нужно зафиксировать особой формулой соотношение $x_1 \in X$. При наличии нескольких таких соотношений виртуальное множество может актуализироваться и превратиться в актуальное, но это требует осуществления с ним вышеописанной диалогической процедуры. Аналогично дело обстоит и со сравнением нескольких множеств.

Понятно, что такая постановка вопроса требует уточнения очень многих утверждений теории множеств. Например, понятие мощности множества будет опосредованно наличием функций сопоставления множеств и пр.

Для формального описания диалогических формальных процессов удобно использовать аппарат математической теории категорий и функторов. Однако в нашем случае категории будут описывать не реальные множества, а виртуальные.

Если рассматривать представление мира, воспринимаемого 1-м лицом I как категорию над виртуальным множеством X_i , а сам этот мир, то есть реальность 3-го лица H как категорию над виртуальным множеством X_{hi} , то восприятие мира H лицом I будет выражаться функтором $X_i \rightarrow X_{hi}$. Понятно, что самождество X в данном рассмотрении невозможно рассматривать как

некую данность (как это у нас происходит в обычных множествах), а является важной реляционной процедурой, которую нужно осуществить. В частности, мы могли бы определить описанный функтор как функтор самотождества объекта.

Теперь, если аналогично рассматривать представление предмета H 2-м лицом T (партнером, собеседником I) в качестве виртуального множества X_t , а сам предмет для собеседника, то есть реальность 3-го лица H для T как категорию над виртуальным множеством X_{ht} , то восприятие мира H лицом T будет выражаться функтором $X_t \rightarrow X_{ht}$.

Понятно, что реляционные отношения IH и TH пока еще остаются виртуальными, но теперь мы можем осуществить диалогическую процедуру IT , которая в нашем новом формализме будет обозначаться как естественное преобразование $IH \rightarrow TH$. В целом данная операция описывается следующей табличкой:

$$\begin{array}{c} X_i \rightarrow X_{hi} \\ \downarrow \downarrow \\ X_t \rightarrow X_{ht} \end{array}$$

Из вышеприведенных рассуждений понятно, что данная операция может привести, вообще говоря, неопределенное виртуальное множество X к актуализации.

При этом X может не быть полностью определенным, он может меняться, может возникать и исчезать и т.д.

Диалогический формализм может нам помочь соотносить между собой предметы любого типа, в том числе те, которые не являются множествами, например, людей, слова и буквы языка, философские категории, явления, происходившие в разные времена. Единственное условие, что между ними должны осуществляться диалогические процессы, приводящие к некоторой определенности.

Интерпретация диалогического процесса с точки зрения здравого смысла

После попытки создания формального аппарата для описания диалогических процессов необходимо вернуться и рассмотреть их с точки зрения простого здравого смысла.

Понятно, что любой диалог между двумя или более личностями, которые принимают на себя позиции I и T является диалогическим процессом. Понятно, что таковой диалог не может быть беспредметным. Участники диалога описывают как H тему и предмет своего обсуждения, а также, если диалог рефлексивный, то и самих себя, его участников.

Ясно также, что непосредственное познание и описание внешнего мира является диалогическим процессом. Внешний мир H является предметом исследования и описания человека I , но сам язык, образы и структуры опи-

сания берутся из процесса диалога *I* с *T*, который осуществляется по поводу *H*. Описывая какой-либо предмет, человек обязательно вступает в диалог с самим собой, в этом диалоге он моделирует позиции своих ментальных собеседников. Однако для познания предметов внешнего мира и их изменения диалог с самим собой недостаточен.

Сам выход во внешний по отношению к нему мир человек осуществляет в связи с другим. Сам по себе я не имею даже критериев реальности внешнего мира. Более того, не могу представлять внешнее как внешнее. Любое нетривиальное высказывание в языке основано на нетривиальном (выводящем за рамки заранее данной системы) отношении тривиальных связей.

Из сказанного понятно, что диалогическим процессом является также любое разумное воздействие на внешний мир. Очевидно, что приказ, повеление или просьба, обращенные к другому человеку, являются диалогическим процессом. Но таковым является также и любое осмысленное действие. Поскольку мышление и осмысление мира невозможны без межличностного диалогического процесса, то и осмысленное воздействие на мир тоже диалогично. Сознательно воздействуя на внешний мир, я как бы приглашаю себя совершить это действие. Принятие решения, волеизъявление, повеление самому себе являются непосредственно диалогическими действиями.

Меняя внешний мир, я меняю также и мир другого, я обращаюсь к другому, я воздействую на другого. Также и наоборот, воздействуя на другого, я меняю свой собственный внешний мир.

Модель **D** позволяет представить мир как фундаментальное целое, в котором сама реальность и ее познание, а также изменение человеческим коллективом является единым процессом. Однако простой здравый смысл вроде бы говорит нам, что мир сам по себе существует, а мы его только познаем и меняем. Такое понимание мира (модель **A**) отвергнута всей философией Нового времени (моделью **C**), но мы можем объяснить ее недостаточность также на уровне здравого смысла, на котором она сформулирована.

Когда мы говорим о мире, мы должны отдать себе отчет, о каком мире идет речь, – о том, что существует здесь и сейчас, или о том, что был миллиард лет назад. Если я изымаю себя из рассмотрения, то само понятие мира оказывается бессмысленным. Понятно, что наше наивное представление о мире выражает не сам по себе мир, а именно наше представление, которое как бы меняется вместе с миром и синхронно ему. Это уже модель **C**, и для перехода к диалогизму необходимо сделать только один шаг – понять, что представление о мире у нас не сводится к индивидуальному, а связано с нашим взаимоотношением друг с другом и с самими собой.

Символическая форма, диалог и текст

Мы уже упоминали об Аристотелевой и Кантовской концепции формы. По Аристотелю, форма – это то, что делает данный предмет этим предме-

том. По Канту, форма представляет собой определенное субъект-объектное единство. В обоих случаях форма – это то, что делает реальность определенной.

Главным недостатком кантовской концепции формы является ее статичность. Как мы отметили, в модели **C** форма не является чем-то определенным сама по себе. Не имея реальных критериев определения формы, Кант ее фактически постулирует. Его предположение, что эвклидова геометрия и классическая механика выражают априорную форму внешней и внутренней чувственности, сыграло с Кантом злую шутку. Наука XX века показала, что пространство и время не имеют априорный характер и сами находятся в зависимости от системы отсчета.

Неадекватность кантовской концепции формы была частично исправлена в неокантианстве. Г. Коген рассматривает форму как динамический процесс. Для него субъект-объектные отношения имеют динамический характер. Реальность становится определенной именно в процессе, который постоянно возобновляется. Следуя за 2-й Критикой Канта Коген также открыл, что процесс динамического отношения человека с внешним миром обусловлен процессом его отношений с другим человеком. Это привело к появлению теории взаимодействия лиц в диалоге, которая обсуждается в данной работе. От данной концепции Когена до модели **D** – один шаг.

Э. Кассирер, выдающийся ученик Г. Когена, внес огромный вклад в развитие кантовской теории формы несколько с другой стороны. Уже в своей ранней работе «Познание и действительность» он провел систематическое сопоставление концепций субстанции и функции на протяжении истории мышления. По сути, это исследование можно обозначить как сопоставление моделей **A** и **C** в науке. В итоге Кассирер пришел к своей знаменитой философии символических форм.

Если для Аристотеля символы и знаки являются прямым отражением реальности – предметов и мыслей о предмете, то Кассирер понимает символизм как особую формальную реальность, которая выражает субъект-объектное отношение. В отличие от Канта, Кассирер не считает символическую форму статической данностью. Напротив, она многообразна, изменчива и исторична.

Кассирер рассматривает три типа символических форм – язык, миф и знание. Таким образом, его концепция создает фундаментальное основание для исследования почти любых теоретических концепций культуры.

Опираясь на идеи Когена и Кассирера, мы можем теперь дать пояснение к приведенным выше выкладкам.

Динамика символической формы является выражением или репрезентацией процесса диалога лиц. Взятые отдельно, знаки могут описывать виртуальные множества, но только в процессе диалога они актуализируются и обретают какую-то реальность.

Как обозначить эту обретающую определенность символическую реальность? Видимо, наиболее удачно ее можно понимать как текст! Высказыва-

ния, которые выступают основной конструкцией в логике Аристотеля, несомненно, являются примерами текста. Действительно, утверждения типа «Сократ есть человек» или «Человек бежит» выражают некую определенную реальность. В то же время речевые формы, выносимые Аристотелем за пределы его логики, например, вопросы, ответы, повеления, являются текстами только ситуативно, то есть в некотором контексте. Например, вопрос «который час» становится осмысленным в какой-то ситуации. Однако для философии диалога, в отличие от Аристотеля, любая реальность имеет динамический ситуативный характер.

Таким образом, если рассматривать текст как актуализирующуюся в некотором диалогическом процессе символическую форму, то исследование формальных символических текстов становится основой тематизации и актуализации диалогических процессов в модели **D**.

Науки в контексте диалогического подхода к реальности

Далее мы приводим несколько важных примеров диалогической интерпретации известных явлений и процессов.

Начнем с области, которой мы немного коснулись в предыдущей главе, – теоретического языкознания. Казалось бы, область, предметом которой являются исключительно знаки и символы, уже давно должна была быть полностью формализованной. Однако господствующие до сих пор в языкознании подходы, восходящие к модели **A**, как нам представляется, тормозят развитие науки о языке.

Действительно, если знаки являются отображением какой-то реальности, то почему одни и те же предметы в разных языках имеют разное название, почему почти любое слово в языке имеет неисчислимый набор значений, хотя, казалось бы, удобнее использовать однозначные слова. Вообще, для чего нужно множество языков и даже любой конкретный язык на поверку оказывается конгломератом языков?

Целый ряд лингвистических концепций, в том числе восходящих к идеям В. Гумбольдта и Ф. Соссюра, направлены на разрешение данного круга проблем. Их попытки можно определить как методологический сдвиг от модели **A** к модели **C**. Однако только переход к модели **D** приводит к настоящему прорыву в данной области.

Язык не является каким бы то ни было отображением внеположенной реальности, а представляет собой динамическую символическую форму, реализующуюся в процессе межличностного диалога в определенных человеческих сообществах. Речь и язык, диахрония и синхрония, множественность и неоднородность значений являются аспектами одного целого и могут быть рассмотрены только в совокупности.

Роза, *rose*, گل سرخ و ٦٦١ не являются разными способами обозначения одного и того же предмета, а являются коррелятивной функцией соотношения языков – русского, английского, иврита и фарси – по отношению к некото-

рой реальности. Такое положение дел не является просто случайным обстоятельством, а отражает тот факт, что динамическая корреляция символов является вообще основой жизни языка как такового. Исследование процессов этой корреляции требует особых постановок вопросов и специального формального аппарата. Такое исследование, с нашей точки зрения, еще почти не началось.

Рассмотрим некоторые другие гуманитарные науки, например, историю, психологию и социологию. Уже сам факт их разделения свидетельствует о том, что процессы динамики межличностного диалога в них вынесены за скобки. Это явное влияние моделей **A** и **C**. В данном контексте вынесение литературоведения в отдельную область нас уже не удивляет. Между тем в некоторых случаях объединение разных исследований может не усложнить предмет, а, наоборот, сделать его более проницаемым и ясным.

Чтобы не распространяться здесь долго по этому чрезвычайно важному и глубокому вопросу, приведем только один пример. Как мы уже отметили, человек находится в процессе постоянного диалога с самим собой. Однако этот диалог невозможно отделить от его диалога с другими хотя бы потому, что, как правило, эти диалоги тесно связаны друг с другом. Ну а теперь вопрос. На одном ли и том же языке мы говорим с самими собой и другими? Казалось бы, несомненно, на одном! Но реальность не всегда соответствует первому впечатлению. Дело в том, что другой ведь от меня скрыт и не является прозрачным. Я вынужден, говоря с другим, использовать символическую форму, выражающую его как другого. Однако при ближайшем рассмотрении я сам от себя скрыт не меньше, но совершенно иначе, чем другой. Отсюда понятно, что структура языка обращения к самому себе и обращения к другому должны отличаться. То есть исследование глубинной психологии и социологии малой группы необходимо должно быть связано друг с другом, а с другой стороны, требовать особого специального аппарата. А ведь эти области лежат в самом основании социально-психологических наук.

Значимость модели **D** для исследований в гуманитарных и социальных науках довольно очевидна. Но как нам представляется, она может быть приложена также и в естественных науках.

Во-первых, динамика символических форм играет решающее значение везде, где вообще существует формализм, то есть в точных науках. Во-вторых, диалогический подход помогает преодолеть целый ряд дуализмов, вытекающих из моделей **A** и **C**. Одним из таких дуализмов является дуализм физического и математического знания. Как нам представляется, этот дуализм исторически отражает дополненность платоновской и аристотелевской версий модели **A**. В модели **D** этот дуализм можно интерпретировать как дополненность процессов формализации, то есть вынесения за скобки предмета диалога *H*, и опредмечивания, то есть вынесения за скобки диалога *IT* по поводу *H*.

Естественно, что процессы формализации и опредмечивания в диалоге тесно связаны друг с другом и хотя на уровне методики их иногда нужно разделить, но это разделение может иметь негативные последствия для исследования. Это, в частности, выражается в значимой в теоретической физике связи теории и эксперимента. Однако ситуация может быть еще интереснее, когда связь опредмечивания и формализма осуществляется в самом процессе. Это происходит в моделях современной теоретической физики, это же играет огромную роль в исследовании биологических процессов.

По всем названным причинам, нам представляется, что диалогический подход может содействовать значительному прогрессу не только в гуманитарных, но и в естественных науках.

Завершая данную работу, уместно спросить, что произошло с философией в XX веке и почему, подойдя вплотную к модели **D**, она не пошла дальше. Почему философия из царицы наук превратилась в область эстетской схоластики, да еще вовлеченной в политические манипуляции?

У нас, разумеется, нет ответов на эти вопросы. Таков общий ход истории, такова судьба европейской культуры! Ну что тут еще можно сказать!

Можно предположить, что катастрофический дуализм индивида и коллектива, вызванный спецификой европейского открытия человечности, привел к упадку не только философии, но и культуры как таковой. Но постараемся быть оптимистами, история еще не закончена, можно двигаться вперед. И философия диалога дает определенные надежды на этом пути.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кун Т. Структура научных революций. – М., 1975.
2. Кассирер Э. Познание и действительность (Понятие о субстанции и понятие о функции). – СПб, 1912.

AN ANALYTICAL INTRODUCTION INTO THE PHILOSOPHY OF DIALOGUE

I. Dvorkin

Throughout the 20th century, the philosophy of dialogue was understood as an integral part of continental philosophy unfolding itself solely in the humanitarian field. Yet the sources of the philosophy of dialogue are directly related to the problems of physical and mathematical natural sciences. For certain historical reasons, its link with fundamental theoretical sciences has been lost. This article is an attempt to make up in part for this omission.

Key words: philosophy of dialogue, scientific paradigm, first person, second person, third person, correlation, relational-functional approach, dialogical approach, theory of categories and functors, dialogical mathematics, virtual multitude, actualization.